Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html

M. TWAIN

THE ADVENTURES OF TOM SAWYER (II)

He took up his brush and went tranquilly to work. Ben Rogers hove in sight presently – the very boy, of all boys, whose ridicule he had been dreading. Ben's gait was the hop-skip-and-jump – proof enough that his heart was light and his anticipations high. He was eating an apple, and giving a long, melodious whoop, at intervals, followed by a deep-toned ding-dong-dong, ding-dong-dong, for he was personating a steamboat. As he drew near, he slackened speed, took the middle of the street, leaned far over to starboard and rounded to ponderously and with laborious pomp and circumstance – for he was personating the "Big Missouri," and considered himself to be drawing nine feet of water. He was boat and captain and engine-bells combined, so he had to imagine himself standing on his own hurricane deck giving the orders and executing them:

"Stop her, sir! Ting-a-ling-ling!" The headway ran almost out and he drew up slowly toward the side-walk.

"Ship up to back! Ting-a-ling-ling!" His arms straightened and stiffened down his sides.

"Set her back on the stabboard! Ting-a-ling-ling! Chow! ch-chow-wow! Chow!" His right hand, meantime, describing stately circles, – for it was representing a forty-foot wheel.

"Let her go back on the labbord! Ting-a-ling-ling! Chow-ch-chow-chow!" The left hand began to describe circles.

"Stop the stabboard! Ting-a-ling-ling! Stop the labbord! Come ahead on the stabboard! Stop her! Let your outside turn over slow! Ting-a-ling-ling! Chow-ow-ow! Get out that head-line! Lively, now! Come – out with your spring-line – what're you about there! Take a turn round that stump with the bight of it! Stand by that stage, now – let her go! Done with the engines, sir! Ting-a-ling-ling! Sh't! s'sh't! sh't!" (trying the gauge-cocks.)

Tom went on whitewashing – paid no attention to the steamboat. Ben stared a moment and then said:

"Hi-yi! You're up a stump, ain't you!"

No answer. Tom surveyed his last touch with the eye of an artist; then he gave his brush another gentle sweep and surveyed the result, as before. Ben ranged up alongside of him. Tom's mouth watered for the apple, but he stuck to his work. Ben said:

"Hello, old chap, you got to work, hey?"

Tom wheeled suddenly and said:

"Why it's you, Ben! I warn't noticing."

"Say – I'm going in a-swimming, I am. Don't you wish you could? But of course you'd druther work – wouldn't you? 'Course you would!"

Tom contemplated the boy a bit, and said:

"What do you call work?"

"Why, ain't that work?"

Tom resumed his whitewashing, and answered carelessly:

"Well, maybe it is, and maybe it ain't. All I know, is, it suits Tom Sawyer."

"Oh come, now, you don't mean to let on that you like it?"

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html

The brush continued to move.

“Like it? Well I don't see why I oughtn't to like it. Does a boy get a chance to whitewash a fence every day?”

That put the thing in a new light. Ben stopped nibbling his apple. Tom swept his brush daintily back and forth – stepped back to note the effect – added a touch here and there – criticised the effect again – Ben watching every move and getting more and more interested, more and more absorbed. Presently he said:

“Say, Tom, let me whitewash a little.”

Tom considered; was about to consent; but he altered his mind:

“No – no – I reckon it wouldn't hardly do, Ben. You see, aunt Polly's awful particular about this fence–right here on the street, you know – but if it was the back fence I wouldn't mind and she wouldn't. Yes, she's awful particular about this fence; it's got to be done very careful; I reckon there ain't one boy in a thousand, maybe two thousand, that can do it the way it's got to be done.”

“No – is that so? Oh come, now – lemme just try. Only just a little – I'd let you, if you was me, Tom.”

“Ben, I'd like to, honest injun; but aunt Polly – well Jim wanted to do it, but she wouldn't let him; Sid wanted to do it, and she wouldn't let Sid. Now don't you see how I'm fixed? If you was to tackle this fence and anything was to happen to it –“

“Oh, shucks, I'll be just as careful. Now lemme try. Say – I'll give you the core of my apple.”

“Well, here -. No, Ben, now don't. I'm afeard –“

“I'll give you all of it!”

Tom gave up the brush with reluctance in his face but alacrity in his heart. And while the late steamer »Big Missouri« worked and sweated in the sun, the retired artist sat on a barrel in the shade close by, dangled his legs, munched his apple, and planned the slaughter of more innocents. There was no lack of material; boys happened along every little while; they came to jeer, but remained to whitewash. By the time Ben was fagged out, Tom had traded the next chance to Billy Fisher for a kite, in good repair; and when he played out Johnny Miller bought in for a dead rat and a string to swing it with – and so on, and so on, hour after hour. And when the middle of the afternoon came, from being a poor poverty-stricken boy in the morning, Tom was literally rolling in wealth. He had, beside the things before mentioned, twelve marbles, part of a jewsharp, a piece of blue bottle-glass to look through, a spool cannon, a key that wouldn't unlock anything, a fragment of chalk, a glass stopper of a decanter, a tin soldier, a couple of tadpoles, six fire-crackers, a kitten with only one eye, a brass doorknob, a dog collar – but no dog – the handle of a knife, four pieces of orange peel, and a dilapidated old window sash.

He had had a nice, good, idle time all the while–plenty of company – and the fence had three coats of whitewash on it! If he hadn't run out of whitewash, he would have bankrupted every boy in the village.

Tom said to himself that it was not such a hollow world, after all. He had discovered a great law of human action, without knowing it – namely, that in order to make a man or a boy covet a thing, it is only necessary to make the thing difficult to attain. If he had been a great and wise philosopher, like the writer of this book, he would now have comprehended that Work consists of whatever a body is obliged to do and that Play consists of whatever a body is not obliged to do. And this would help him to understand why constructing artificial flowers or performing on a treadmill is work, while rolling ten-pins or climbing Mont Blanc is only amusement. There are wealthy gentlemen in England who drive four-horse passenger-coaches twenty or thirty miles on a daily line, in the summer, because the privilege costs them considerable money; but if they were offered wages for the service, that would turn it into work and then they would resign.

The boy mused a while over the substantial change which had taken place in his worldly circumstances, and then wended toward head-quarters to report.

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html

М. ТВЕН	*М. ТВЕН*	*М. ТВЕН*
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА (II)	ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА (II)	ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА (II)
Перевод опубликован без указания фамилии переводчика издательством «Мир искателя» (2001). Судя по языку и способам передачи реалий выполнен в конце XIX – начале XX в.	*Перевод Н.Л. Дарузес*	*Перевод К.И. Чуковского*
Он схватился за кисть и бодро принялся за работу. Вдали показался Бен Роджерс, тот самый Бен Роджерс, насмешек которого особенно боялся наш герой. Бен шёл подпрыгивая и делая маленькие шажки – лучшее доказательство, что он был в превосходнейшем настроении. Он весело грыз яблоко и время от времени что-то протяжно выкрикивал, вслед за чем каждый раз раздавалось громкое: динь-динь-динь! Дело заключалось в том, что Бен изображал из себя пароход. Приблизившись к Тому, он уменьшил ход, отошёл на середину улицы и стал осторожно поворачивать к забору; его осторожность была понятна: ведь он изображал из себя ни более, ни менее как огромный пароход «Миссури», сидевший в воде на глубине девять футов. Он был в одно и то же время и пароходом, и капитаном, и экипажем, и паровой машиной, и колоколом; он же отдавал приказания и он же исполнял их. – Стоп машина! Динь-динь-динь! Руль на борт! Динь-динь-динь! Бен прижал руки к бокам. – Лево руля! Динь-динь-динь! Чш-чш-чшш!!	Он взялся за кисть и продолжал не торопясь работать. Скоро из-за угла показался Бен Роджерс — тот самый мальчик, чьих насмешек Том боялся больше всего на свете. Походка у Бена была легкая, подпрыгивающая — верное доказательство того, что и на сердце у него легко и от жизни он ждет только самого лучшего. Он жевал яблоко и время от времени издавал протяжный, мелодичный гудок, за которым следовало: «Диньдон-дон, динь-дон-дон», — на самых низких нотах, потому что Бен изображал собой пароход. Подойдя поближе, он убавил ход, повернул на середину улицы, накренился на правый борт и стал не торопясь заворачивать к берегу, старательно и с надлежащей важностью, потому что изображал «Большую Миссури» и имел осадку в девять футов. Он был и пароход, и капитан, и пароходный колокол — все вместе, и потому воображал, что стоит на капитанском мостике, сам отдавал команду и сам же ее выполнял. — Стоп, машина! Тинь-линь-линь! — Машина застопорила, и пароход медленно подошел к тротуару. — Задний ход! — Обе руки опустились и вытянулись по бокам.	Он взял кисть и спокойно принялся за работу. Вот вдали показался Бен Роджерс, тот самый мальчишка, насмешек которого он боялся больше всего. Бен не шёл, а прыгал, скакал и приплясывал – верный знак, что на душе у него легко и что он многого ждёт от предстоящего дня. Он грыз яблоко и время от времени издавал протяжный металлический свист, за которым следовали звуки на самых низких нотах: «Дин-дон-дон, дин-дон-дон», так как Бен изображал пароход. Подойдя ближе, он убавил скорость, стал посреди улицы и принялся не торопясь заворачивать, осторожно, с надлежащей важностью, потому что представлял собой «Большую Миссури», сидящую в воде на девять футов. Он был и пароход, и капитан, и сигнальный колокол в одно и то же время, так что ему приходилось воображать, будто он стоит на своём собственном мостике, отдаёт команду и сам же выполняет её. – Стоп машина, сэр! Динь-дилинь, динь-дилинь-динь! Пароход медленно сошёл с середины дороги и стал приближаться к тротуару. – Задний ход! Дилинь-дилинь-динь!

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html

Правая рука Бена начала описывать круги: она изображала колесо. – Задний ход! Право руля! Динь-динь-динь! Чш-чш-чш-чш! – на этот раз начала описывать круги левая рука. – Стоп машина! К якорю! Динь-динь-динь! Чш-чш-чш! Бросай якорь! Выпустить пары! Эй! Шш-шш-фф! Пароход остановился вплотную около Тома, но последний продолжал работать, не обращая никакого внимания на «Миссури». Бен с минуту молча смотрел на Тома. – Эге-ге! Никак ты сегодня на привязи? – засмеялся он. Ответа на эту насмешку не последовало. Том, наклонив голову набок, с видом настоящего художника смотрел на последние мазки, которые он провёл кистью, затем осторожно подправил их и опять начал любоваться своим произведением. Бен подошёл ещё ближе. У Тома при виде яблока потекли слюнки, но он продолжал делать вид, что всецело погружён в свою работу. – Что, неужели тебя наказали, Том? – Ах, Это ты, Бен? А я и не заметил, как ты подошёл. – Послушай, я иду купаться. Может быть, и ты пойдёшь со мной? Ну да, впрочем, ты наверное не хочешь и не бросишь своей работы. Том с удивлением посмотрел на него. – Какую работу? Что ты хочешь этим сказать? – А разве это не работа? Том опять опустил кисть в ведро и равнодушно произнёс:	— Право руля! Тинь-линь-линь! Чу! Ч-чу-у! Чу! — Правая рука тем временем торжественно описывала круги: она изображала сорокафутовое колесо. — Лево руля! Тинь-линь-линь! Чу-ч-чу-чу! — Левая рука начала описывать круги. — Стоп, правый борт! Тинь-линь-линь! Стоп, левый борт! Малый ход! Стоп, машина! Самый малый! Тинь-линь-линь! Чу-у-у! Отдай концы! Живей! Ну, где же у вас канат, чего копаетесь? Зачаливай за сваю! Так, так, теперь отпусти! Машина стала, сэр! Тинь-линь-линь! Шт-шт-шт! (Это пароход выпускал пары.) Том по-прежнему белил забор, не обращая на пароход никакого внимания. Бен уставился на него и сказал: — Ага, попался, взяли на причал! Ответа не было. Том рассматривал свой последний мазок глазами художника, потом еще раз осторожно провел кистью по забору и отступил, любуясь результатами. Бен подошел и стал рядом с ним. Том проглотил слюну — так ему захотелось яблока, но упорно работал. Бен сказал: — Что, старик, работать приходится, а? Том круто обернулся и сказал: — А, это ты, Бен? Я и не заметил. — Слушай, я иду купаться. А ты не хочешь? Да нет, ты, конечно, поработаешь? Ну, само собой, работать куда интересней. Том пристально посмотрел на Бена и спросил: — Чего ты называешь работой? — А это, по-твоему, не работа, что ли? Том снова принялся белить и ответил небрежно:	Обе его руки вытянулись и крепко прижались к бокам. – Задний ход! Право руля! Тш, дилинь-динь! Чшш-чшш-чшш! Правая рука величаво описывала большие круги, потому что она представляла собой колесо в сорок футов. – Лево на борт! Лево руля! Дилинь-динь-динь! Чшш-чшш-чшш! Теперь левая рука начала описывать такие же круги. – Стоп, правый борт! Дилинь-динь-динь! Стоп, левый борт! Вперёд и направо! Стоп! Малый ход! Динь-дилинь! Чуу-чуу-у! Отдай конец! Да живей пошевеливайся! Эй ты, на берегу! Чего стоишь? принимай канат! Носовой швартов! Накидывай петлю на столб! Задний швартов! А теперь отпусти! Машина остановлена, сэр! Дилинь-динь-динь! Шт! шт! шт! (Машина выпускала пары). Том продолжал работать, не обращая на пароход никакого внимания. Бен уставился на него и через минуту сказал: – Ага! Попался! Ответа не было. Том глазами художника созерцал свой последний мазок, потом осторожно провёл кистью опять и вновь откинулся назад – полюбоваться. Бен подошёл и встал рядом. У Тома слюнки потекли при виде яблока, но он как ни в чём не бывало продолжал свою работу. Бен сказал: – Что, брат, заставляют работать? Том круто повернулся к нему. – А, это ты, Бен? Я и не заметил.

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html

– Конечно, для одного это может казаться работой, а для другого нет. Я знаю только одно, что мне такая работа нравится. – Уж не хочешь ли ты меня уверить, что это доставляет тебе удовольствие? Кисть продолжала гулять взад и вперёд по доскам. – Удовольствие? А пожалуй, что и так. Ведь красить заборы приходится не каждый день, да и не всякому это удаётся. Дело явилось в совершенно новом свете. Бен задумался. Том продолжал осторожно водить кистью, время от времени отступая на один шаг назад, чтобы лучше судить, хорошо ли сделана работа, и местами подправляя её. Казалось, он совершенно забыл о Бене. Последний внимательно следил за каждым движением кисти и, наконец, не выдержал. – Послушай, Том, дай и мне немного покрасить! Том сделал вид, что хочет исполнить эту просьбу, но тотчас же переменил своё намерение и ответил: – Нет, нет, Бен! Этого никак нельзя сделать! Дело в том, что тётя Полли очень заботится, чтобы эта сторона забора всегда была хорошо выбелена, так как она выходит на улицу. Если бы забор выходил на задворки, то тогда, конечно, это было бы всё равно и для неё и для меня. А так – нет! Тут нужна хорошая и чистая работа: из ста мальчиков, пожалуй, только один сумеет её сделать так, как следует. – Неужели? Ну, Том, дай мне только попробовать. Если бы я красил забор, я бы непременно дал и тебе покрасить!	— Что ж, может, работа, а может, и не работа. Я знаю только одно, что Тому Сойеру она по душе. — Да брось ты, уж будто бы тебе так нравится белить! Кисть все так же равномерно двигалась по забору. — Нравится? А почему же нет? Небось не каждый день нашему брату достается белить забор. После этого все дело представилось в новом свете. Бен перестал жевать яблоко. Том осторожно водил кистью взад и вперед, останавливаясь время от времени, чтобы полюбоваться результатом, добавлял мазок, другой, опять любовался результатом, а Бен следил за каждым его движением, проявляя все больше и больше интереса к делу. Вдруг он сказал: — Слушай, Том, дай мне побелить немножко. Том задумался и сначала как будто готов был согласиться, а потом вдруг передумал. — Нет, Бен, все равно ничего не выйдет. Тетя Полли прямо трясется над этим забором; понимаешь, он выходит на улицу, — если б это была та сторона, что во двор, она бы слова не сказала, да и я тоже. Она прямо трясется над этим забором. Его знаешь как надо белить? По-моему, разве один мальчик из тысячи, а то и из двух тысяч сумеет выбелить его как следует. — Да что ты? Слушай, пусти хоть попробовать, хоть чуть-чуть. Том, я бы тебя пустил, если б ты был на моем месте. — Бен, я бы с радостью, честное индейское! Да ведь как быть с тетей Полли? Джиму тоже хотелось покрасить, а она не позволила. Сиду хотелось, она	– Слушай-ка, я иду купаться… да, купаться! Небось и тебе хочется, а? Но тебе, конечно, нельзя, придётся работать. Ну, конечно, ещё бы! Том посмотрел на него и сказал: – Что ты называешь работой? – А разве это не работа? Том снова принялся белить забор и ответил небрежно: – Может, работа, а может и нет. Я знаю только одно: Тому Сойеру она по душе. – Да что ты? Уж не хочешь ли ты сказать, что для тебя это занятие – приятное? Кисть продолжала гулять по забору. – Приятное. А что же в нём такого неприятного? Разве мальчикам каждый день достаётся белить заборы? Дело представилось в новом свете. Бен перестал грызть яблоко. Том с упоением художника водил кистью взад и вперёд, отступал на несколько шагов, чтобы полюбоваться эффектом, там и сям добавлял штришок и снова критически осматривал сделанное, а Бен следил за каждым его движением, увлекаясь всё больше и больше. Наконец сказал: – Слушай, Том, дай и мне побелить немного. Том задумался и, казалось, был готов согласиться, но в последнюю минуту передумал: – Нет, нет, Бен… Всё равно ничего не выйдет. Видишь ли, тётя Полли ужасно привередлива насчёт этого забора: он ведь выходит на улицу. Будь это та сторона, что во двор – другое дело, но тут она страшно строга – надо белить очень и очень старательно. Из тысячи… даже, пожалуй, из двух тысяч мальчиков найдётся только один, кто сумел бы выбелить его как следует.

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html

– Да мне ведь это ничего не стоило бы, Бен; но только я не знаю, как быть с тётей Полли. И Джим просил, и Сид просил, но она им не позволила. Вдруг ты испортишь – что мне тогда делать? – Ну, вот ещё, вздор какой! Точно уж это такая трудная вещь! Давай кисть, а я дам тебе за это остаток яблока. – Ну, хорошо! Впрочем нет, Бен, я, право, боюсь… – Так вот тебе ещё целое яблоко! Том, наконец, нехотя уступил кисть; но в душе он ликовал. И пока бывший пароход «Миссури» работал и потел на солнце, наш художник в отставке сидел в тени на опрокинутом бочонке, болтал ногами, ел яблоко и думал о том, как бы заполучить себе новые жертвы. Недостатка в последних не было: мальчиков приходило к забору очень много. Они приходили, чтобы посмеяться над Томом, но все оставались и упрашивали, чтобы им позволили немного помазать кистью. Когда Бен работал, Том успел сговориться с Биллом Фишером, которому позволил покрасить за почти совсем новый бумажный змей. После Билли взял кисть Джонни Миллер, заплатив за это удовольствие дохлой крысой с верёвочкой, на которой её можно было качать. Так продолжалось до самого полудня. У Тома к этому времени скопилось целое состояние: кроме змея и крысы он получил двенадцать каменных шаров, губную гармонь, правда, несколько испорченную, кусочек синего стекла, сломанную трубку, старый ключ, который ничего не отпирал, кусок мела, пробку от графина, оловянного солдатика, кусок толстой верёвки, шесть пистонов, котёнка с одним глазом,	и Сиду не позволила. Видишь, какие дела? Ну-ка, возьмешься ты белить забор, а вдруг что-нибудь... — Да что ты, Том, я же буду стараться. Ну пусти, я попробую. Слушай, я тебе дам серединку от яблока. — Ну, ладно... Хотя нет, Бен, лучше не надо. Я боюсь. — Я все яблоко тебе отдам! Том выпустил кисть из рук с виду не очень охотно, зато с ликованием в душе. И пока бывший пароход «Большая Миссури» трудился в поте лица на солнцепеке, удалившийся от дел художник, сидя в тени на бочонке, болтал ногами, жевал яблоко и обдумывал дальнейший план избиения младенцев. За ними дело не стало. Мальчики ежеминутно пробегали по улице; они подходили, чтобы посмеяться над Томом, — и оставались белить забор. Когда Бен выдохся, Том продал следующую очередь Билли Фишеру за подержанного бумажного змея, а когда тот устал белить, Джонни Миллер купил очередь за дохлую крысу с веревочкой, чтобы удобней было вертеть, и т.д. и т.д., час за часом. К середине дня из бедного мальчика, близкого к нищете, Том стал богачом и буквально утопал в роскоши. Кроме уже перечисленных богатств, у него имелось: двенадцать шариков, сломанная губная гармоника, осколок синего бутылочного стекла, чтобы глядеть сквозь него, пустая катушка, ключ, который ничего не отпирал, кусок мела, хрустальная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопушек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник без собаки, черенок от ножа, четыре куска апельсинной корки	– Да что ты? Вот никогда бы не подумал. Дай мне только попробовать… ну хоть немножечко. Будь я на твоём месте, я бы тебе дал. А, Том? – Бен, я бы с радостью, честное слово, но тётя Полли… Вот Джим тоже хотел, да она не позволила. Просился и Сид – не пустила. Теперь ты понимаешь, как мне трудно доверить эту работу тебе? если ты начнёшь белить, да вдруг что-нибудь не так… – Вздор! Я буду стараться не хуже тебя. Мне бы только попробовать! Слушай, я дам тебе серединку вот этого яблока. – Ладно! Впрочем, нет, Бен, лучше не надо… боюсь я… – Я дам тебе всё яблоко – всё, что осталось. Том вручил ему кисть с видимой неохотой, но с тайным восторгом в душе. И пока бывший пароход «Большая Миссури» трудился и потел на припёке, отставной художник сидел рядом в холодке на каком-то бочонке, болтал ногами, грыз яблоко и расставлял сети для новых простаков. В простаках недостатка не было: мальчишки то и дело подходили к забору – подходили зубоскалить, а оставались белить. К тому времени, как Бен выбился из сил, Том уже продал вторую очередь Билли Фишеру за совсем нового бумажного змея; а когда и Фишер устал, его сменил Джонни Миллер, внеся в виде платы дохлую крысу а длинной верёвочке, чтобы удобнее было ту крысу вертеть, – и так далее, и так далее, час за часом. К полудню Том из жалкого бедняка, каким он был утром, превратился в богача, буквально утопающего в роскоши. Кроме вещей, о которых мы сейчас говорили, у него оказались двенадцать

медную ручку от двери, собачий ошейник, ножик с ломаной ручкой, четыре апельсинные корки и старую задвижку от окна. Кроме того он самым приятным образом провёл всё утро, болтая с мальчиками. Забор же был покрыт извёсткой в три слоя. Если бы известь не вышла, то можно с уверенностью сказать, что Том разорил бы всех мальчиков в городке, отобрав у них все их драгоценности. Теперь Тому мир уже не казался таким мрачным. Сам не зная того, он открыл великий закон, который служит причиной многих поступков людей: чтобы заставить человек чего-нибудь сильно желать, достаточно только уверить его, что то, чего он хочет, очень трудно достигнуть. Если бы Том был великим философом, каков, например, автор этой книги, то он понял бы, что трудом люди называют то, что они должны делать, а удовольствием – что они делают по собственному желанию. Он понял бы, почему изготовление искусственных цветов или занятие почтальона считается трудом, а играть в кегли или всходить на Монблан – удовольствием.	и старая оконная рама. Том отлично провел все это время, ничего не делая и веселясь, а забор был покрыт известкой в три слоя! Если б у него не кончилась известка, он разорил бы всех мальчишек в городе. Том подумал, что жить на свете не так уж плохо. Сам того не подозревая, он открыл великий закон, управляющий человеческими действиями, а именно: для того чтобы мальчику или взрослому захотелось чего-нибудь, нужно только одно — чтобы этого было нелегко добиться. Если бы Том был великим и мудрым мыслителем, вроде автора этой книги, он сделал бы вывод, что Работа — это то, что человек обязан делать, а Игра — то, чего он делать не обязан. И это помогло бы ему понять, почему делать искусственные цветы или носить воду в решете есть работа, а сбивать кегли или восходить на Монблан — забава. Есть в Англии такие богачи, которым нравится в летнюю пору править почтовой каретой, запряженной четвериком, потому что это стоит им бешеных денег; а если б они получали за это жалованье, игра превратилась бы в работу и потеряла для них всякий интерес. Том раздумывал еще некоторое время над той существенной переменой, какая произошла в его обстоятельствах, а потом отправился с донесением в главный штаб.	алебастровых шариков. обломок зубной «гуделки», осколок синей бутылки, чтобы глядеть сквозь него, пушка, сделанная из катушки для ниток, ключ, который ничего не хотел отпирать, кусок мела, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопушек, одноглазый котёнок, медная дверная ручка, собачий ошейник – без собаки, – рукоятка ножа, четыре апельсиновые корки и старая, сломанная оконная рама. Том приятно и весело провёл время в большой компании, ничего не делая, а на заборе оказалось целых три слоя извёстки! Если бы извёстка не кончилась, он разорил бы всех мальчиков этого города. Том сказал себе, что, в сущности, жизнь не так уж пуста и ничтожна. Сам того не ведая, он открыл великий закон, управляющий поступками людей, а именно: для того, чтобы человек ими мальчик страстно захотел обладать какой-нибудь вещью, пусть эта вещь достанется ему возможно труднее. Если бы он был таким же великим мудрецом, как и автор этой книги, он бы понял, что Работа есть то, что мы обязаны делать, а Игра есть то, что мы не обязаны делать. И это помогло бы ему уразуметь, почему изготовлять бумажные цветы или, например, вертеть мельницу – работа, а сбивать кегли и восходить на Монблан – удовольствие. В Англии есть богачи джентльмены, которые в летние дни управляют четвёркой, везущей омнибус за двадцать-тридцать миль, только потому что это благородное занятие стоит им значительных денег; но, если бы им предложили жалование за тот же нелёгкий труд,

		развлечение стало бы работой, и они сейчас же оказались бы от неё. Некоторое время Том не двигался с места; он размышлял над той существенной переменой, какая произошла в его жизни, а потом направил свои стопы в главный штаб – рапортовать об окончании работы.